

УДК 37.016:811.133.1'37
ББК Ш147.11-9-3.

**Н.А. Ковалёва,
О.С. Ковалёва**

**САЛОННОЕ ПИСЬМО
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
ЭПИСТОЛЯРНОГО
ДИСКУРСА
И.С. ТУРГЕНЕВА**

Статья посвящена салонному письму И.С.Тургенева. Текстовые значения слова, создающие кокетливость переписки, повышенная дружеская тональность и неприятие отрицательной эмотивности, рассуждения на светские, семейно-бытовые, философские и общечеловеческие нейтральные темы, отражающие целеустановку как трансляцию национально-культурных традиций и идеалов в узкой социальной прослойке, – таковы особенности салонного письма. Проанализированы письма И.С.Тургенева к разным адресатам: графине Е.Ламберт, А.А.Фету, П.В.Анненкову.

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, салонное письмо, эпистолярная стилистика, языковые особенности.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-133-141

Ковалева Наталья Анатольевна – докт. филол. наук, профессор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тел.: 8-915-483-54-53
E-mail: kna13@yandex.ru

Ковалева Ольга Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры общественных наук и профессиональной коммуникации Юридического института Российского университета транспорта (РУТ-МИИТ)
Тел.: 8-910-472-67-95
E-mail: kovalev@mail@gmail.com

© Ковалева Н.А., Ковалева О.С.,
2018.

Филологические исследования последних десятилетий о тексте и дискурсе дают полные основания для того, чтобы рассматривать тексты частных писем русских классиков и эпистолярный дискурс в соотношении часть – целое, где важную роль играют внешние по отношению к тексту обстоятельства, совокупность которых приводит к созданию текста. Процесс текстообразования с учетом коммуникативно-прагматических установок определяет «диалогичность как особый тип смысловых отношений» эпистолярного дискурса [Селезнева, 2014, с. 72].

Эпистолярный дискурс И.С.Тургенева представляет интересный материал для характеристики его индивидуальной манеры письма и развития русского эпистолярного искусства XIX в. Светское письмо было канонической формой общения в дворянском обществе XIX в.: его суть составляло взаимоприятное, «ни к чему формально не обязывающее сношение на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [Стернин, 1996, с. 3]. Светскость характерна многим письмам И.С. Тургенева, которые наполнены выражениями грусти и почти отчаяния, но в то же время на них лежит флер легкой игривости и даже жеманности тона. Для И.С. Тургенева характерны грустные и трагические слова, которые уместны в интимной беседе светского салона. «Этот светско-салонный тон, несколько показной и превращающий самые грустные размышления и признания в изящно-артистическую игру

стилем и самой жизнью, очень характерен для Тургенева, и в нем есть исторический смысл, характерный для эпохи» [Островский, 1999].

Коммуникативность светского письма имеет преимущественно фатическую направленность – поддержание «хороших» отношений этикетными средствами: желание доставить удовольствие адресату в дружелюбии письменной беседы. Светское письмо как жанр было широко распространено до 70-х гг. XIX в. Дифференциальными признаками этого праздноречевого диалога являются: этикетность тематического содержания, низкая степень информативности, наличие изысков в языковой игре, словотворчестве и сентенциях.

Светское письмо ближе к артистическому диалогу. Н.Д. Арутюнова относит такой вид диалога к адресованному поведению, к праздноречной деятельности (см. [Арутюнова, 1999, с. 652–653]). Для светского письма характерны текстовые значения слова, создающие кокетливость переписки, повышенная дружелюбная тональность и неприятие отрицательной эмотивности, рассуждения на светские, семейно-бытовые, философские и общечеловеческие нейтральные темы, отражающие целеустановку как трансляцию национально-культурных традиций и идеалов в узкой социальной прослойке.

В.В. Дементьев в монографии «Непрямая коммуникация и ее жанры», развивая мысли о светской беседе, которая может быть отнесена к характеристике салонной переписки, отмечает: «Мастерство в светской беседе не предполагает никакой иной цели, кроме стремления к превосходству в социально престижном общении, в остроумии, изощренности речи, осведомленности и т.п. Соревновательное начало роднит светскую беседу с древнейшими жанрами игрового коммуникативного поведения, присущими, по-видимому, каждой национальной культуре» [Дементьев, 2000, с. 187].

В письмах к графине Е. Ламберт, женщине из высшего Петербургского общества, одной из наиболее любимых адресаток И.С. Тургенева, автор дает простор своему салонно-артистическому стилю, грустно-кокетливой переписке. Для писем 50-х гг. характерно: «Ах, графиня, какая глупая вещь – потребность счастья, когда уже веры в счастье нет!» (1856); «Или это только так кажется, а уже ничего нового, неожиданного жизнь мне представить не может, кроме смерти?» (1859); «Остается одно: держаться пока на волнах жизни и думать о пристани да, отыскав товарища доброго и милого, как вы, товарища по чувствам, по мыслям, и главное – по положению (мы оба с вами уже немного ждем для себя), крепко держать его руку и плыть вместе, пока...» (1859); «И притом мы все осуждены на смерть... Какого еще хотите трагического?» (1859); «Жизнь вся в прошедшем, и настоящее только дорого как отблеск прошедшего...» (1861); «Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету <...> маленький писк моего сознания так же мало тут значит, как если бы я вздумал лепетать: «я, я, я...» на берегу невозвратно текущего океана» (1862).

И.С. Тургенев наполняет свои грациозные признания изящными, авторскими фразеологизмами-афоризмами типа: *держаться на волнах жизни, думать о пристани; жизнь в прошедшем, и настоящее дорого как отблеск прошедшего; маленький писк моего сознания* и др. Эти афоризмы – техника салонного общения.

Эпистолярная стилистика, выработанная Тургеневым уже к 40-м гг. XIX в., – это особая стилистика частного литературного письма, пронизанного самоанализом и рефлексией «гамлетовского типа», характерный «прорыв отчуждённого сознания героя в историческое Время» [Меркулова, 2006, с. 42]. По сравнению с пушкинским письмом – это не домашний интимный жанр общения, это своеобразная игра в интимность общения, наполненная специфической лексикой, фразеологией и интонацией повествования. В одном из писем к Е. Ламберт И.С. Тургенев пишет: *«Но вы согласитесь, что я не могу служить ему (народу. – Н.К., О.К.) ни как военный, ни как чиновник, как агроном или фабрикант; посильную пользу приносить я могу только как писатель, как артист»*. И.С.Тургенев был уверен в существовании особой профессии или особого качества – «артистизма», что было характерно для эпохи 1830 – 1840-х гг. – эпохи развития салонной эстетики, эпохи Брюллова, Глинки, Кукольника и т.д. (подробнее о 1830 – 1840-х гг. см.: [Чапаева, 2014]). Общеизвестно, что И.С.Тургенев был представителем яркого интеллектуального движения, истоки которого, с одной стороны, в деятельности общественных кружков 30-х гг., а с другой, – в общественно-литературных и исторических событиях первой трети XIX в. «На 40-е гг. приходится интеллектуальный взрыв, долгожданный расцвет национальной культуры, сопровождающийся поисками национальной идентификации на фоне бурного развития новых идей и направлений в общественной мысли, в философии, эстетике, литературной критике и лингвистике» [Ковалева О., 2012, с. 18].

В одном из писем к Е. Ламберт в ответ на ее упрек, что «настало время подумать о русском народе и писать для него» (70-е гг. подъема в России народнического движения), И.С. Тургенев излагает свой взгляд на писательский труд:

«Баден, Schillerstrasse, 277

9-го мая/27 апреля 1863 г.

Милая графиня, я с неделю тому назад приехал сюда и только теперь окончательно поселился, приискал квартиру и т.д. Я уже собирался к Вам писать – хоть и не на 14 страниц – а нормальные 4 – как вдруг явилось Ваше большое письмо и, разумеется, несмотря на свою безжалостную строгость, ускорило моё намерение.

*Вы меня осуждаете как человека (в смысле политического деятеля, гражданина) и как писателя. В первом отношении Вы правы, во втором – нет, как мне кажется <...> я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дело мне чуждое и неинтересное, и я обращаю на него внимание, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современного быта. Но Вы не правы, требуя от меня на **лите-***

ратурном (жирный курсив здесь и далее И.С. Тургенева. – Н.К., О.К.) поприще того, что я дать не могу, плодов, которые не растут на моем дереве. Я никогда не **писал для народа** – я писал для того класса публики, которому я принадлежу, начиная с «Записок охотника» и кончая «Отцами и детьми»... Не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели, и в этом отношении не заслуживаю упрека. Вам кажется, что я из одной лени не пишу, как Вы говорите, простой и нравственной повести для народа... я этого **не умею?** Поверьте: наш брат, да и всякий, делает только то, что ему дано делать, – а насиловать себя и бесполезно и бесплодно. Вот отчего я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера...»

Содержание этого письма подобно игре. Это литературное кокетство и утверждение своей принадлежности к дворянскому классу, который не «пишет» для народа. Но в знаменитом несветском письме к К.К. Случевскому от 26 апреля 1862 г. И.С. Тургенев излагает свое политическое, философское и эстетическое кредо (речь идет о романе «Отцы и дети». – Н.К., О.К.):

«То, что сказано об Аркадии, о реабилитировании отцов и т.д., показывает только – виноват! – что меня не поняли. **Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса** (здесь и далее жирный курсив И.С. Тургенева. – Н.К., О.К.). Вглядитесь в лица Николая Петровича, П-а П-а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хороших представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновников, генералов, грабителей и т.д. – было бы грубо, *le pont aux apes*⁴ – и неверно. Все истинные **отрицатели**, – которых я знал, – без исключения (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т.д.) происходили от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у **деяте-лей**, у отрицателей всякую тень **личного** негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни...»

«Классовая» антитетика писем к графине Е. Ламберт и представителю молодого поколения – будущего России, поэту К.К. Случевскому раскрывает разные грани эпистолярного мастерства И.С. Тургенева. Письмо к К.К. Случевскому отражает общественное и литературное лицо И.С. Тургенева: из шести его романов пять непосредственно посвящены революции и революционерам, это означает, что писатель осознавал необходимость изменения существующего классового строя в России.

Но привычка к салонности общения сохраняется и в его переписке с А.А. Фетом, П.В. Анненковым, В. Боткиным и др. Это уже иной салонный стиль, – он связан более с интеллектуальной игрой, артистичностью изложения сообщения о своей работе, настроениях, мыслях о литературной деятельности и др. Иными словами, речь идет о специфике салонного общения в эпистолярной деятельности, которая «заключается в личной когнитивной и эмотивной адресованности. Последняя опре-

деляет интенцию, структуру, содержание и экспрессию средств выражения» [Ковалева, Приорова, 2017, с. 36].

Письма к А.А. Фету характеризуются салонностью тона, который он проповедовал в 50-60-е гг. как в своей лирике, так и эпистолярных. См., например, стилистические разъяснения И.С. Тургенева во фрагменте письма к А.А. Фету от 11 декабря/29 ноября 1869 г., где интересны мысли о нормативности в языке:

«Etiam-si omnes, ego non², любезный А.А.! Ни в жизнь не соглашусь (здесь и далее жирный курсив И.С. Тургенева. – Н.К., О.К.), что можно в смысле «швырять золотом» сказать «швыряться золотом» или «сыпать роз», хотя можно и должно сказать, например: “Он обещал мне роз, а я ему надавал картофелю” и т.д. “К ее ногам он сыпал роз” – безобразно. Тут дело не в пуризме, а в своеобразных условиях живой русской речи. Я могу ошибаться как вообще в оценке Вашей идиллии...»

В письме И.С. Тургенева речь идет о салонной перифрастике «швырять золотом», а не «швыряться золотом», как у А.А. Фета, или «не к ногам сыпал роз», а можно и должно сказать «он обещал мне роз». Уточняя морфологию и синтаксис перифрастики, И.С. Тургенев тем самым пеняет А.А. Фету на леность в изучении русского языка, а также недостаточность знаний устойчивых конструкций русского языка.

Или: *«Милый Анненков, вчера я писал Вам – и нынче пишу снова, но уже с припаданием к стопам (здесь и далее жирный курсив наш. – Н.К., О.К.); а почему я прибегаю к такой позе, о том следуют пункты:*

Я, Вы знаете, сам для себя никогда реклам не писал и не заставлял писать других; но есть особа, для которой я не только на рекламы, на все пишу, тем более, что я убежден, что лгать не буду. Имя этой особы Вы, вероятно, уже угадали: это – г-жа Виардо. В конце прошлого года явился третий альбом ее романсов под заглавием: «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку П.В.Г.», и издателю Иогансену (которому представьте прилагаемую записочку – и получите все альбомы) весьма бы желательно, чтобы по поводу этих новых романсов была помещена хорошенькая статья, в которой было бы обращено внимание на всю романсовую деятельность г-жи Виардо у нас, на Руси. Вы видите теперь, куда направляется моя просьба. Статья может быть не большая; особенно специальной окраски вовсе не нужно: начните с того, что Вы мне сказали о ней по поводу Патти в «Сомнамбуле», и что – между нами сказать – заставило ее прослезиться от удивления, воспоминания и т.д., а потом поговорите и о романсах, которые, конечно, стоят неизмеримо выше всего того, чем обыкновенно пробавляется наша публика. Можете из числа пяти новых указать на «Утес», «Разгадку» (впрочем, в этом деле Вам поможет А.Н. Тютчева, которую прошу дать себе труд просмотреть альбомы); упомяните о трудности аккомпанемента фортепьянного, как о причине того, что некоторые из этих романсов получили меньше распространения, чем бы заслуживали, о г-жах Лавровской, Хвостовой, которые их прекрасно поют... Словом, сделайте маленькую, милую, теплую вещь, как Вы это умеете делать,

и поместите... вот вопрос: куда? В «С.-Петербургских ведомостях» свирепствует г. Кюи, который именно об одном романсе г-жи Виардо отнесся презрительно-грубо; может быть, там не захотят принять: но надо бы **поместить эту статейку** в одном московском и одном петербургском журнале. В Москве, я уверен, Катков не откажет. **Предоставляю это Вашему благоусмотрению** и только уверяю Вас, что **ни за что никогда** я Вам не буду так благодарен, как за эту услугу, при которой Вам и **кривить душой** не придется.

Я вчера сгоряча написал Вам об «Обрыве», но и нынче, поразмыслив, не меняю, своего мнения **ни на йоту**. Риторика и риторика (орфография И.С. Тургенева. – Н.К., О.К.)! Что может быть, например рутиннее, пошлее описания тех камелий, которые высасывают денежки из нашей молодежи! И что за д...ня словами!! От Салаева получили ли Вы вышедшие четыре тома нового моего издания? Если нет, **вытребуйте** и прочтите в «Двух приятелях», как я переделал конец Вязовнина. **Еще раз припадаю к стопам: «Царь государь, взмилуйся!»** и **остаюсь навсегда любящий Вас**

Ив. Тургенев» (П.В. Анненкову от 25 (13) января 1869 г.).

Письмо П.В. Анненкову показывает, в какой литературно-бытовой эмиграции, какими чувствами и представлениями живет И.С. Тургенев. Одним из важнейших дел, которые он ищет вне литературы, является его «служба» артистической карьере Полины Виардо. В письме сказывается опыт эпистолярной стилистики 40-х гг.

Письмо насыщено устойчивыми организациями слов, характерными для фразеологии писем Тургенева – в нем представлены: а) идиоматика высокого книжного стиля (*припадать к стопам, предоставлять благоусмотрению* и др.), б) фразеологические сочетания аналогичного характера (*прибегать к позе*, и др.), в) фразеология разговорного стиля общения (*на все пуцусь, кривить душой* и т.д.). Однако специфический тон письма создается за счет объединения единиц высокого стиля и сочетаний, столь характерных для эпистолярной речи И.С. Тургенева, включающих эмотивность ласкательного характера: *прилагаемая записочка, хорошенькая статья, поместить статейку* и т.д. Фразеология салонных писем И.С.Тургенева отличается особым флером по сравнению с устойчивыми сочетаниями в эпистолярных тургеневских текстах иного типа. Сравните эпистолярные фразеологические сочетания, многоаспектный анализ которых был проведен в работе А.Г.Балакай [Балакай, 1978].

В значительной части уменьшительная ласкательность создается суффиксами эмоциональной оценки **-очк-, -еньк-, -ейк-**. Письмо наполнено побудительными конструкциями типа *представьте прилагаемую записочку, весьма бы желательно, начните с того, прошу дать себе труд, упомяните о трудности аккомпанемента, сделайте теплую вещь* и др. Особую значимость приобретает в стиле письма параметр Magn + 'очень', который включен как в лексическую, так и во фразеологическую семантику и отражает эмоциональный накал просьбы: *припадание к стопам; есть особа, для которой я на все пуцусь; заставим ее* (П. Ви-

ардо. – Н.К., О.К.) *прослезиться от умиления; ни за что никогда я Вам не буду так благодарен, как за эту услугу* и др. Настоятельность просьбы создается фразеологическим кольцом – рамочным употреблением: *припадание к стопам* – преамбула письма и *припадаю к стопам* – резюме письма. Эмотивная заключительность рамки усиливается имплицитной и эксплицитной ласковостью – афоризмом «*Царь государь, взмилуйся!*» и «*Остаюсь навсегда любящий Вас*».

Стилистика лексем «*Царь государь, взмилуйся!*» в совокупности с повышенным интонированием фразы представляет Magn+ во фразеологизованной конструкции крылатого типа; фразеологизованность второй части резюме имеет эксплицитный Magn+ за счет местоименного наречия *навсегда*, включенного в клишированную фразеологизованную конструкцию прощания, также свойственную «художественной» интеллигенции того времени.

Совокупность традиционных перифрастических образов и фразеологических образов, обладающих разной степенью устойчивости, отражает лексико-фразеологический состав и стиль писем И.С. Тургенева, его структурно-семантические и грамматические структуры, свойственные речи 40 – 60-х гг. XIX в. (см. подробнее [Ковалева Н., 2001, с. 231 – 240]).

Рассмотрение салонного письма, являющегося по своей семантике, лексико-фразеологическому составу и стилистике антитетичной жанровой, по сравнению с другими типами письма, структурой позволяет поставить вопрос о противопоставленности жанров частного письма и наличия в его составе поджанров. Эстетика поджанров характеризуется наличием речевых структур, определяемых разными коммуникативными намерениями и отражающих различное коммуникативное состояние эпистолярия.

Примечания

¹ Le pont aux anes – Открытие для невежд – буквально: «мост для ослов» (франц.).

² Etiam si omnes, ego non – если все это сделают, то я – нет (лат.)

Литература и источники

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Балакай А.Г. Фразеологические сочетания писем И.С.Тургенева в связи с общими вопросами детерминированной сочетаемости слов в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 249 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 354 с.

Ковалева Н.А. Речевые стереотипы эпистолярного текста // Текст. Структура и семантика: докл. VIII Междунар. науч. конф. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 231–240.

Ковалева Н.А., Приорова И.В. Коммуниканты в речевой организации эпистолярия // Вестн. Российского нового ун-та. Серия «Человек в современном мире». Вып. 3-4. М., 2017. С. 35 – 39.

Ковалева О.С. Трансформация «концепции культуры» неославянофилов в XIX-XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 174 с.

Меркулова М.Г. Ретроспекция в трагедии Шекспира «Гамлет» // Филол. науки. 2006. № 5. С. 33–43.

Островский А.Г. Тургенев в записях современников: Воспоминания. Письма. Дневники... [Электронный ресурс]. // Электрон. дан. М., 1999. URL: <http://lib.volsu.ru/virtvyst/?p=3017> (дата обращения 22.02.2018).

Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестн. Северо-Восточного фед. ун-та им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 5. С. 67–75.

Стернин И.А. Светское общение. Воронеж: Рико, 1996. 18 с.

Тургенев И.С. Собр.соч.: В 12 т. М.: Гослитиздат, 1953–1958.

Чапалева Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830 – 1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Saarbrücken, 2014. 256 с.

References

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*, Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1999. (In Russian).

Balakay A.G. *Frazeologicheskiye sochetaniya pisem I.S.Turgeneva v svyazi s obshchimi voprosami determinirovannoy sochetaniya slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis.... kand. filol. nauk.*, Moscow, 1978. 249 p. (In Russian).

Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry*, Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2000, 354 p. (In Russian).

Kovaleva N.A. Rechevyye stereotipy ehpistoлярного teksta. *Tekst. Struktura i semantika: dokl. VIII Mezhdunar. nauch. konf.*, Moscow, SportAkademPress, 2001, pp. 231–240. (In Russian).

Kovaleva N.A., Priorova I.V. Kommunikanty v rechevoy organizatsii ehpistoлярnogo pisema. *Vestn. Rossiyskogo novogo un-ta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire»*, vypuski 3-4, Moscow, 2017, pp. 35 – 39. (In Russian).

Kovaleva O.S. *Transformatsiya «kontseptsii kul'tury» neoslavjanofilov v XIX-XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk*, Astrakhan', 2012. 174 p. (In Russian).

Merkulova M.G. Retrospektiya v tragedii Shekspira «Gamlet». *Filol. nauki*, 2006, no 5, pp. 33-43. (In Russian).

Ostrovskiy A.G. *Turgenev v zapisyakh sovremennikov: Vospominaniya. Pis'ma. Dnevnik...* Moscow, 1999. // Available at: <http://lib.volsu.ru/virtvyst/?p=3017> (accessed 22.02.2018). (In Russian).

Selezneva L.V. K voprosu o sootnoshenii teksta i diskursa. *Vestn. Severo-Vostochnogo federal'nogo un-ta im. M.K. Ammosova*, 2014, t. 11, no. 5, pp. 67-75. (In Russian).

Sternin I.A. *Svetskoye obshcheniye*, Voronezh, Riko, 1996, 18 p. (In Russian).

Turgenev I.S. *Sobr. soch.: v 12 t.*, M., Goslitizdat, 1953-1958. (In Russian).

Chapaleva L.G. *Kul'turno-yazykovaya situatsiya v Rossii 1830-1840-kh gg. v kontekste sporov slavjanofilov i zapadnikov*, Saarbrucken, 2014, 256 p. (In Russian).

Natalya A. Kovaleva, Olga S. Kovaleva (Moscow, Russian Federation) **Salon Letter as a Variety of Epistolary Discourse by I.S. Turgenev**

The article is devoted to the genre of salon letter by I.S. Turgenev. Textual meanings of the word, creating coquetry of correspondence, increased friendly tone and rejection of negative emotiveness, reasoning for secular, family-household, philosophical and universal human neutral themes, reflecting

the purposefulness as the translation of national and cultural traditions and ideals in a narrow social stratum – these are the salon letter features. The letters by I.S. Turgenev to different addressees are analyzed: the Countess E.Lambert, A.A. Fet, P.V. Annenkov.

Key words: *I.S. Turgenev, salon letter, epistolary stylistics, language features.*

Natalya A. Kovaleva – Ph.D. in Linguistics, associate professor, professor. Center of linguistics and professional communication. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Phone.: 8-915-483-54-53; e-mail: kna13@yandex.ru

Olga S. Kovaleva – Ph.D. in History, associate professor. Department of social Sciences and professional communication, Law Institute of Russian University of Transport. Phone: 8-910-472-67-95; e-mail: kovalev@mail@gmail.com